

**Артем МИЧУРИН
Вячеслав ХВАТОВ**

**ЕДА И ПАТРОНЫ
ПОЛВЕДРА СТУДЁНОЙ КРОВИ**

**МОСКВА
2015**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М70

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована работа
художника *И. Хивренко*

Мичурин, Артём Александрович.

М70 Еда и патроны. Полведро студёной крови : [фантастический роман] / Артём Мичурин, Вячеслав Хватов. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 416 с.

ISBN 978-5-699-84118-9

Мир после ядерного Апокалипсиса...

Государства распались, а города превратились в укрепленные поселения, живущие по своим законам. Между городами — огромные безлюдные пространства, где можно напороться на кровожадных мутантов и просто бандитов. Неудивительно, что основной валютой стали патроны, ими платили не только за еду, но и за кровь. Коллекционер, или просто Кол, зарабатывал именно кровью. Долгие месяцы шёл он по следу наёмника по кличке Ткач. Цена на этот раз высока — сверхсекретное Хранилище, полное немыслимых в этом мире сокровищ, которые в наше время можно купить в любом супермаркете...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84118-9

© Мичурин А., Хватов В., 2015
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

Капли, падая на ледяной наст, прогрызали в нём алые червоточины.

Бредущий по белой пустыне человек остановился и медленно, стараясь не делать резких движений, лёг на спину.

— Всё. Хватит.

Забранная в меховую перчатку ладонь поднесла пригоршню снега к растрескавшимся обветренным губам. Капля, сорвавшись с края заиндевевшего рукава, упала на автомат. Серое от мороза воронение на секунду почернело, впитав тепло, и снова покрылось инеем вокруг красного, примёрзшего к стали льда.

Человек сел, утёр бороду и, развязав рюкзак, провёл ладонью по гладкой холодной поверхности своего сокровища.

— Э-э. Врёшь. Врёшь, сука.

Он завязал рюкзак и, с трудом поднявшись на ноги, хохотнул. Но смех вышел натужным.

— Не для того я столько...

Морозный воздух, обложив горло, превратил слова в кашель.

— Дьявол...

Человек сплюнул, подобрал тяжеленный рюкзак и, шатаясь, пошёл дальше сквозь бесконечную снежную целину.

* * *

У меня всего два варианта — идти за ним или вернуться. Я выбрал первый. Почему? Ну, тут много причин: заказ, на который я подписался; подмоченный авторитет, который надо восстановить; профессиональная гордость, в конце концов, а ещё... Твою мать! Кого ты обманываешь, Кол? Всё это — полная херня. Плюнуть и растереть. Год! Дерьмовый год и два адски дерьмовых месяца я, как хвост за кобылой, подметая сыплющееся говно, волочусь за этим ублюдком! Ради авторитета? Ради профессиональной гордости? Да ебись они конём! Будь дело только в них, я бы встретил зиму под уютным метром бетона своего арзамасского бункера и топил бы досаду в самогоне. Всё лучше, чем яйца здесь морозить. Но нет. Я пойду дальше. За ней. Я знаю — она близко. Я хочу её! Хочу, как дитё конфету, как кобель течную суку, как торчок хочет дозу в свои чёрные вздувшиеся вены. Я. Хочу. Голову. Ткача. И я её заберу.

Глава 1

Фома был в бешенстве. Жирный обмудок скакал по келье и тряс святыми цацками так, что иконы в золотых окладах падали со стен. «Как так ушёл?! — орал он на всю крепость Святого воина великомученика Ильи Муромца, брызжа слюной. — Куда ушёл?!» Понадобилось приложить немало усилий, чтобы вернуть разговор в конструктивное русло. После уверений в том, что от всей группы остался один Ткач, отец-настоятель немного успокоился, сел и начал снимать ногтями стружку со столешницы, убивая меня взглядом.

— Кол-Кол-Кол... — качал Фома головой. — Что ты, су...? Эх! — хватил он кулаком по столу и воззрился на меня, аки дьяк на голую девку. — Найди его. Верни то, что он унёс. Слышишь? Верни!

— А из-за чего, собственно, такой кипиш? Ты ведь знать не знал, что за груз. Или...?

— Не твоё собачье дело!!! — взорвался жирдяй, но быстро взял себя в руки, сел и, оправив бороду, нацелился в меня пальцем. — Просто верни то, что должен. Ага? Ты ж аванс взял? Так отрабатывай.

— Уговор был...

— Какой? Какой был уговор? — огрызнулся он, играя желваками. — Ты что мне тут дурочку теперь ломать собрался? Обосрал всё дело и в кусты? Нет-нет-нет. Мы уговорились, что кончишь всех шесте-

рых и заберёшь груз. А ты что сделал? Нихера! Даже хуже, чем нихера. Раскрыл себя, Ткача спугнул. Вот теперь ищи-свищи его по ебням!

— Ориентировочка, — достал я из-за пазухи мятый лист бумаги с карандашным портретом виновника торжества. — Можешь ещё таких организовать? Штук двадцать.

— Легко.

— И ещё мне понадобятся деньги. Много.

— Опять деньги, — поморщился Фома. — Ты сначала аванс, уплоченный мной, отработай.

— Я хочу получить расчёт.

Глаза настоящего округлились, губы зашлёпали в беззвучном возмущении.

— Ну, знаешь... — Он утёр набежавшую на бороду слюну и фыркнул.

— Предстоят серьёзные расходы. Ткач — это тебе не шпана нашкодившая. Если он захочет лечь на дно, понадобится о-о-очень длинный багор, чтобы его поднять.

— Очумел?! Простить тебе сорок золотых! С какого?!

— Фома, — я облокотился о стол и придвинулся ближе, так чтобы моему упрямому нанимателю стал слышен шёпот, не доходящий до ушей охраны за дверью, — не знаю, что там унёс Ткач, но уверен — ты знаешь. И это нужно тебе гораздо больше, чем сорок золотых. А если я ошибаюсь... Что ж, готов вернуть аванс, и ищи другого охотника.

Настоятель, выслушав, тоже подался вперёд и произнёс тихо, с полной всепрощения улыбкой:

— Вынуть бы тебе кишки да затянуть вокруг шеи.

После чего, не сводя с меня взгляда, достал из ящичка кошель, и тот с приятным звоном бухнулся на стол...

...Это было четырнадцать месяцев назад. И коли карта не врала, я теперь находился в самых что ни на есть ебнях, как, впрочем, и пророчествовал мудрый Фома. Предгорья Северного Урала. Если ад, вопреки устоявшемуся мнению, холоден, то я определённо стоял на его пороге. И сатана всё крепче прихватывал меня за яйца своей заиндевевшей лапой. Не спасали ни кисы с меховыми чулками поверх шерстяных штанов, ни кухлянка, ни толстенный свитер. Мороз пробирал настолько, что временами становилось трудно дышать, сердце билось через раз, и постоянно тянуло в страну сладких грёз, из которой уже не вернуться.

Всё же что ни говори, а человек — вещь хрупкая. Чего не скажешь о моём спутнике. Не знаю, чья в том заслуга — естественного отбора или горнила радио-активной Москвы, откуда он родом, — но Красавчик оказался на редкость выносливой тварью. Признаться, беря его в поход, я и не рассчитывал, что малец выживет. Думал — не бросать же, раз уж притащил, пусть следом идёт, а там будет видно, от чего издохнет. Ан нет. Вместо капитуляции перед жестоким миром мой четвероногий друг вымахал до размеров приличной собаки, нагулял к зиме жира и оброс плотной шерстью, от чего сделался похож на большую уродливую бесхвостую росомаху. Весной бурая шуба сменилась привычной жиденькой порослью, через которую просвечивала кожа. А обильные харчи дали новый толчок росту массы и габаритов. Жрал зверёныш всё подряд — от грибов до человечины — с равным аппетитом. Ко второй своей зиме Красавчик был уже едва ли легче меня и напоминал теперь медвежонка. Страшного, с плоской рожей и огромной пастью.

Помимо незаурядных физических данных, животное вышел и умом. Говорят, интеллект годовалой собаки равен интеллекту двухлетнего ребёнка... Не знаю. По-моему, двухлетний ребёнок в сравнении со взрослой собакой — бестолковый кусок мяса, которому едва хватает мозгов не срать под себя. Красавчик же в свои полтора года был заметно умнее прочих хвостатых бестий. Если первое время с ним приходилось общаться, как с дауном, повторяя по сорок раз вязнувшие в зубах команды, то сейчас это стало лишним. Мой лохматый товарищ быстро навострился распознавать обычную речь и с готовностью подчинялся приказам.

Пока шли обжитыми землями, Красавчика приходилось прятать, дабы не навлечь гнев скорой на расправу деревенщины. Если к моим жёлтым глазам эти ребята ещё проявляли терпимость, руководствуясь остатками разума и тягой к жизни, то мириться с присутствием возле себя неведомой тварины было бы выше их сил. И Красавчик ночевал в лесу, один, там, где я указывал. Утром приходишь — сидит, ждёт распоряжений. Удивительная скотина. Думаю, будь у него мозгов чуть побольше, вот совсем ещё немного, и мы могли бы свободно дискутировать о природе добра и зла.

Чем больше мы удалялись от тлеющих очагов цивилизации, преследуя неутомного Ткача, тем меньше косых взглядов обращалось в нашу сторону. Странно. Казалось бы, что может испугать жителя, к примеру, Сарапула, имеющего под боком Ижевск со всеми его чудесными порождениями, и в то же время возбудить любопытство, начисто лишённое неприязни, у кочующих по краю земли оленеводов манси? Оказывается — практически всё. Непонимание рождает страх?

У кого как. Если жить в страхе — да. Это такая штука, которая питает сама себя, разрастается и со временем вчистую пожирает разум. Незаменимая вещь в управлении толпой. Нужно только ухаживать за ней как следует, культивировать в массах. Запуганный человек склонен без раздумий отторгать всё новое в угоду хоть и дерьмовому, но знакомому и предсказуемому. Города — рассадники страха. Чем крупнее город, тем больше усилий приложено «отцами народа» ко возвращению побегов тотального недоверия, злобы и нетерпимости. Это их скорлупа. И пусть внутри всё давно стухло, но снаружи ещё страшнее. А вонь... Что вонь? Не смертельно, потерпим.

Ткач — сразу видно — вырос в городе образцовом с этой точки зрения. Чёртов параноик. Я нагнал его на окраинах Казани спустя месяц после нашего драматического расставания в московском бомбоубежище. Фома хоть и говнился, пытаясь сбить цену, но ориентировки выдал. Благо соглядатаев у него предостаточно, от Владимира до Чебоксар. Это здорово сэкономило мне время. Но... Я облажался. До сих пор кулак чешется садануть себе в лоб, как вспомню. Он был у меня в руках. Не больше ста метров. Тишь да гладь. Угольник прицельной сетки лежит под тазобедренным суставом Ткача. Мне нужно всего три выстрела, чтобы сделать из него гуттаперчевую куклу, которая ответит на все-все вопросы, лишь бы поскорее сдохнуть. Аккуратно выбираю спуск своей пристрелянной ВСС, которая ни разу не подводила, и... Так бывает. Это невероятно, это бесит до нервного зуда, и ничего уже не исправишь. Я промахнулся. Ткач ушёл в казанские руины. Погоня длилась почти сутки. Но ничего, кроме нескольких растяжек, я так и не нашёл.

С тех пор эта мнительная сука постоянно насто-роже. Такие кренделя выписывает, что только поспе-вай — не зевай. Нигде не останавливается больше чем на неделю. Не берёт поделщиков. Не возвращается на старые лёжки. Дважды отращивал и сбрасывал боро-ду. И дважды же организовывал засаду на меня.

Первый раз это случилось год назад. Я тогда ле-тел что есть духу, ухватив свежий след, который вёл в Малмыж — захудалый городишко в ста двадцати километрах на северо-восток от Казани. Таких ещё немало осталось по эту сторону Уральского хребта. Бессмысленные, никчёмные. Они и полвека назад еле держали голову над болотом. Сорокаминутная война обошла их стороной, побрезговала тупить ядерную косу о всякий мусор на карте. И теперь они медлен-но умирали. Единственное, что держало тут людей, — привычка. Города привычки. Да, Малмыж был из них. К две тысячи шестьдесят восьмому году, когда этой дыре посчастливилось принять меня, здесь прожива-ло не больше полутора тысяч голодранцев. Из при-мечательных мест в Малмыже имелся едва живой спиртзавод и постоянный двор при местном питейном заведении — сердце города. Именно сюда и пожало-вал Ткач.

Был вечер субботы. Кабак ломился от страждущих разбавить застоявшуюся кровь спиртом. Я подошёл к хозяину, заказал стопку и, оставив на чай два серебря-ных, попросил дозволения ознакомиться с гостевой книгой. Последней записью в полупустом журнале значился некто Сдравин-Охчинский Николай. Об-ладатель столь необычной фамилии и почерка Ткача оплатил комнату прошлым вечером, а съезжать соби-рался через трое суток. Весь день проторчал в номере. Вёл себя тихо. Продемонстрированный портрет ра-

зыскиваемого «врага общества» и ещё четыре монеты помогли хозяину проникнуться ко мне доверием и не препятствовать «вершению правосудия». Пока я шагал по коридору к указанным апартаментам, навинчивая «ПБС» на ствол, в голове всё крутилась эта дурацкая фамилия — Сдравин-Охчинский. Николай. Сдравин. Охчинский. Ни... До двери номера оставалось пять шагов, когда ноги, оказавшись сообразительнее головы, развернули меня на сто восемьдесят градусов и понесли обратно. Я влетел в первую же приоткрытую дверь, перемахнул через мертвецки пьяное тело на топчане и бросился в окно. Два взрыва, грохнувшие почти одновременно, превратили большую часть кабака в братскую могилу. Те, кто выжил, контуженные, в дыму и пламени, пытались выбраться из-под обвалившейся кровли. Искали любую щель, как тараканы на сковородке. Слепые, задыхающиеся, скребли ногтями по смертельно пылающему дереву и вопили, истошно вопили, пока огонь не спёк их лёгкие.

Да, Ткач умеет вдохнуть в серые будни искру праздника. Он был где-то поблизости. Я уверен. В этой дыре радиодетонаторов не достать. Значит, он пользовался обычным, электрическим. Крыльцо заминировать не сумел, слишком заметно. Иначе мои кишки в тот вечер падали бы на землю, словно бу-мажный серпантин. Наверняка кинул провода через окно своего номера. Одна бомба в комнате, вторая снаружи, насколько проволоки хватило. Где-нибудь у противоположной боковой стены. А сам засел в брошенном доме по соседству. Так и вижу этого ублюдка, глядящего кнопку подрывной машинки, едва сдерживая семяизвержение.

Спасительное окно выходило на задний двор. Помню, как втемяшился башкой в жердь забора,

раскроил себе бровь. Выбил доску и смылся. Ткач не мог меня видеть. Он должен был пребывать в полной уверенности, что я остался в той куче золы вместе с парой дюжин забулдыг. Он должен был расслабиться. Но этого не произошло.

Вторую попытку Ткач предпринял спустя четыре месяца, возле Перми.

То, что наймитская сволочь не утратила бдительности, стало понятно задолго до этого. И засаду я ждал. А потому предпочитал ходить неторёными путями, чуть в стороне от дорог, полей, степей, низин... Короче, ховался как мог. Время дорого, а шкура дороже.

К выдвигению в мёртвый город-миллионник я подошёл ответственно — разжился картой, опросил старожилов окрестных сёл на предмет тамошних достопримечательностей. Узнал много интересного. Так, например, оказалось, что в Перми до войны действовали с дюжину предприятий оборонной направленности. По ним-то и был нанесён главный удар — то ли три, то ли четыре полумегатонных плюхи, в разные части города, и одна полуторамегатонная в Индустриальный район, где наряду с прочим находились нефтегазоперерабатывающие заводы и другое химическое говнище в промышленных масштабах. Один бойкий дедок поделился воспоминаниями о рассказах отца, как тот, будучи пацаном, наблюдал после ядерного удара над Пермью жуткий огненный вихрь. Говорит, полыхнуло так, что всем селом по околицам пожары тушили. А на нефтеперегонном комбинате потом с неделю столб пламени до неба взвивался, пока Пермь догорала. Может, и сбрыхал его папашка, но район тот я на карте сразу заштриховал красненьким, решив не соваться от греха по-

дальше. Ещё одна полушка ухнула по Камской ГЭС, но в цель не попала, отклонившись на километр. Русло Камы в том месте, по слухам, заметно расширилось, а плотина ГЭС, хоть и сильно пострадала, стоит по сей день. На вопрос о переправах опрошенные заверяли, что западный мост, отмеченный на моей карте как отрезок шоссе Р-242, разрушен. Остальные же два моста находились в черте города, и к ним никто из моих собеседников не ходил, а с берега те было не разглядеть. Но одного знатока я всё же отыскал. Он клялся-божился, будто автомобильный мост, идущий из самого центра города, жив и вполне надёжен. Соврал сука. Видать, невзлюбил меня за что-то. Может, я был слишком настойчив в своих вопросах, к которым приступил после того, как оприходовал его миловидную дочурку и обчистил закрома? Нет. Если б я был действительно настойчив, то услышал бы чистую правду. В очередной раз убеждаюсь, что за милосердие люди склонны платить чёрной неблагодарностью.

А вот чего клещами вытягивать не приходилось, так это баек. Каждый норовил внести лепту в пространство самобытного фольклора.

Городские легенды есть везде. Даже в самом затрапезном городишке. Правда, чем он затрапезнее, тем и «легенды» мельче. В основном это побасенки о местных придурках, у которых переключило в башке, и понеслась родимая: где больничку сожгли, где попа распяли, где чурку пришлого порвали лошадьми, а где и вовсе без затей гулящей бабе подол на башке завязали да на муравейник посадили. Банальнейшая бытовуха со временем обрастает «зловещими» подробностями и превращается в легенду. Многие вполне сойдут за анекдот.